

Узнав это имя, дядя погрузился в раздумья. В это время у Сяо Лю не было настроения заниматься этим, он внимательно просматривал журналы.

Эти журналы были сборниками переводов статей. Три статьи, которые Сяо Лю ранее переводил для своего научного руководителя, были опубликованы в них, но в качестве переводчика значился не Сяо Лю, а другой человек.

Кроме того, ещё больше Сяо Лю удивила записка, прикреплённая посередине, с надписью [to be continued...]

Находясь в больничном карантине, Сяо Лю всё пытался понять, что происходит с этими статьями. Автором всех был один человек — студент пятого курса университета Моудань.

Почему этот человек опубликовал подряд три статьи, которые его преподаватель когда-то поручал переводить именно Сяо Лю? Сяо Лю действительно не мог понять.

Возможно, это было совпадением, но если бы не время, если бы не одна ошибка в переводе, которая заставила Сяо Лю понять, что эти статьи должны были быть переведены им. Сяо Лю действительно поверил бы, что это совпадение.

Едва выбравшись из больницы, Сяо Лю отправился к своему научному руководителю по дипломной работе, учителю Фану.

— Возможно, кто-то тоже случайно перевёл. Разве исследований по теории преподавания не так уж много? Ты можешь цитировать, и другой тоже может. Ты переводишь, и все могут переводить, — учитель Фан говорил легкомысленно, и Сяо Лю не стал настаивать.

Сяо Лю однажды искал Сяо Хуана, чтобы спросить, в чём дело.

— А тот человек, которого я просил тебя найти? Узнал? Не найдёшь — не скажу, и советую поторопиться. Не забывай, в конце мая защита дипломных работ у бакалавров Моуданя, к тому времени может ещё что случиться.

Подумав над словами Сяо Хуана, Сяо Лю решил, что тем более нельзя рассказывать ему о дяде, потому что у таких людей нет принципов, и неизвестно, на что они способны.

Что касается дяди, то после некоторого времени общения Сяо Лю обнаружил, что, хотя тот и ведёт себя легкомысленно, на самом деле он очень дальновиден.

Например, Сяо Лю как-то слышал, как Сяо Ван жаловался дяде, упрекая его за то, что тот не занялся недвижимостью.

— Сейчас на недвижимости столько денег можно заработать, а ты не идёшь?

— Обрабатывающая промышленность — это основа национальной экономики, понимаешь? Да и рынок медицинского оборудования ещё очень мал, отечественные предприятия находятся в состоянии дикого роста. Сейчас от КТ, МРТ и до одноразовых изделий многое зависит от импорта, разве это не абсурд? Крупное сделать не можем, ладно, но даже простые вещи не можем выпускать качественно — это позор для страны. Дело не только в деньгах, должны появиться предприятия, которые возьмут на себя эту ответственность, — слова дяди Сяо Лю считал очень разумными.

В детстве, когда Сяо Лю лечился, использовали многократные медицинские изделия после

стерилизации. Ходили слухи, что в то время было много случаев заражения гепатитом В, очень тёмные времена.

Когда дядя говорил, от него пахло мятой, потому что он постоянно жевал жвачку:

— В отрасли слишком много некомпетентных, если не выгнать их, сам пострадаешь. Например, если одноразовые иглы не соответствуют стандартам, пострадают все предприятия. Мы все — сообщество единой чести, должны вовремя изгонять бессовестных коллег из отрасли.

— Ладно тебе, дядя... Ты постоянно так задеваешь чужие интересы, не боишься, что тебя подставят?

— В бизнесе конфликты интересов неизбежны. Если ты немного лучше других, они будут завидовать и строить козни. Но если у тебя есть уникальные ресурсы и ты расширился до определённого уровня, тебя уже не тронут. Базовые вещи дешёвы, но быстро распространяются, и репутация хорошая. Репутация создаётся не рекламой, она накапливается постепенно.

Сяо Лю обдумывал слова дяди и считал их правильными. В отличие от отца Цзинцин, от стиля доктора Мина они тоже отличались, но идеи у всех были схожи: развитие медицины — чрезвычайно важное дело.

В отличие от Сяо Лю, Сяо Ван совершенно не интересовался словами дяди о «сообществе единой чести», и лишь в конце апреля, вернувшись в университет, ощутил это на себе.

Тень пневмонии ещё не рассеялась, в университете витала грустная атмосфера, снова и снова проводились собрания, подчёркивалась медицинская этика, справедливость, ответственность, лежащая на плечах каждого.

Но когда они пошли на занятия в соседний вуз и на фиксированных местах увидели надпись «убийца», это действительно задело сердце Сяо Вана.

— Только потому, что он когда-то был нашим ректором?? Разве он не был их выпускником? Разве он не учился в их университете?

Все возмущённо говорили, что нужно доложить об этом руководству. Лишь Сяо Лю спокойно достал платок, налил немного воды из термоса и с каменным лицом начал вытирать стол.

— Сяо Лю, разве ты не злишься??? — спросил однокурсник.

— Не злюсь.

— Без причин. Сначала занятия, — Сяо Лю повернулся и вытер также парту сзади.

— Ботан и есть ботан, спокоен или даже слишком спокоен, совершенно нет воинской ярости, — как обычно, Лу Цин язвительно прокомментировал.

Столкнувшись с сомнениями, Сяо Лю покачал головой:

— Ярость, по-моему, не стоит применять здесь.

— Тебе уже на голову сели, а ты ещё терпишь?

— Тогда предложи решение, — Сяо Лю посмотрел на Лу Цина и убрал испачканную салфетку в

свой рюкзак.

— Найти, кто написал, и дать ему по шее.

Слова Лу Цина вызвали несколько насмешек вокруг, в том числе от Сяо Хуана и Сяо Вана. Конечно, это выплеск эмоций, но и очень детский подход.

— Сейчас не время для внутренних раздоров. Я доложу об этом инструктору. А сейчас все занимайтесь, не разговаривайте, — в конце концов староста, не выдержав, потребовал от всех замолчать и вести себя прилично.

Студенты соседнего вуза постепенно подтянулись, на этот раз не было тех, кто тайком фотографировал, все только показывали пальцами.

— Вы не были здесь, не знаете. В последнее время стало лучше. Когда пневмония была в разгаре, с нами обращались как с прокажёнными, даже когда мы ходили по университету, в нас кидали мячами, — один из соседей пробормотал Сяо Лю, и тому оставалось только грустить.

Настроение у всех было тяжёлым, потому что это было занятие по «Медицинской этике», и как раз обсуждалась тема врачебной добродетели.

— Если у врача нет добродетели, он будет относиться к человеческим жизням как к траве, не заботясь о жизни и смерти пациентов, думая только о собственном спокойствии. Сотни жизней — словно их и не было. Интересно, не испортился ли тот, кто был руководителем рядом, когда работал там. Поэтому сейчас всем нужно хорошо учиться, укреплять врачебную добродетель, противостоять соблазнам, — на кафедре преподаватель этики, учитель Юй, очень «эмоционально» и «выразительно» читала лекцию, постоянно бросая многозначительные взгляды на группу Сяо Лю.

Столь явные насмешки вызвали смешки в классе.

— Учитель, если я не ошибаюсь, тот человек когда-то окончил Первый медицинский университет, который сейчас входит в ваш вуз?

Голос, раздавшийся с задних рядов, потряс Сяо Лю. Он обернулся и увидел, что это Сяо Хуан, сидящий во втором ряду.

— Если окружение — это красивый чан, и легко перенимает цвет, не значит ли это, что ваш вуз тогда преподавал не очень хорошо.

Эти слова заставили учительницу побледнеть, в зале поднялся шум.

— Сяо Хуан, поменьше говори. Мы сейчас в чужом университете, — староста прервал Сяо Хуана, тот поднял руку, показывая, что больше не будет говорить.

— Я считаю, что товарищ Хуан прав, староста. Неужели вы всё время хотите быть черепахами, втягивающими голову, и брать на себя не свою ответственность? Потому что бывший руководитель попал в неприятности, они унижают нас. Да ладно, разве мало людей, выпущенных вашим вузом, оказались за решёткой или были расстреляны? Хотите, я приведу примеры? — как только Лу Цин произнёс это, в зале снова поднялся шум.

Это уже была не просто борьба, а вывод спора на новый уровень, граничащий с личными

оскорблениями.

— Садись! Я разрешал тебе вставать? Быстро садись, это что за воспитание в вашем вузе? — учительница казалась истеричной.

Сяо Лю огляделся и заметил, что некоторые уже начали фотографировать.

— Учитель, вы тоже считаете, что Лу Цин перегнул палку. Тогда вы, как учитель, в публичном месте, обобщая частное, используя поведение одного-двух человек, чтобы высмеивать нас, — это воспитание? Подстрекать присутствующих студентов смеяться над нами — это педагогическая этика? — к удивлению Сяо Лю, на этот раз заговорил Сяо Ван.

Перед такой внезапной ситуацией не только Сяо Лю, но и староста, закрыв лицо, чувствовали, что это превышает их возможности, и староста уже был близок к обмороку.

Сяо Ван и Сяо Хуан переглянулись, подтвердив единство фронта. Сердце старосты, казалось, разбилось, и он размышлял, как писать объяснительную. У Сяо Лю раскалывалась голова, и он прикидывал, как выйти из этой ситуации. С Сяо Хуаном ещё можно было как-то справиться, но Сяо Вана Сяо Лю всегда должен был держать под контролем.

<http://bllate.org/book/15613/1393956>